

Бабаева Замира Эседовна

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО "САЛАМАНДРА"

В статье на материале повести В. Ф. Одоевского "Саламандра" рассматривается историческая интерпретация сюжета. Выявляются сходные и различные элементы двух произведений: "Саламандры" и "Арапа Петра Великого" А. С. Пушкина. Делается вывод о том, какое влияние оказали петровские реформы на становление личности героев. Прослеживаются преемственность традиций Пушкина и новаторство Одоевского в оценке петровской эпохи и ее последствий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/4/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 27-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, для авторской стилистики Б. Пастернака характерно широкое использование заключительных диктем, оформленных прямой речью. Но, анализируя первую и вторую книги романа, мы приходим к выводу, что обращается к данному приему автор неравномерно. Тот факт, что в первой книге в 42 главах, что составляет 34,1%, автор оформляет заключительные диктемы репликами или внутренними монологами героев, говорит о том, какое большое место занимают диалоги в художественной стилистике автора. Вместе с тем, знаменательно, что во второй книге это количество уменьшается почти в полтора раза - 21 глава, что составляет 19,3%. На наш взгляд, в первой книге романа о судьбе интеллигенции еще присутствует общение героев, еще осуществляется коммуникативно-прагматический процесс. Во второй книге, где герои полностью погружаются в жесткую реальность, общение становится роскошью, собеседников выхватывает время. Говорить, делиться мыслями, что-либо обсуждать становится занятием опасным - не так поймут, не так отреагируют: простой вопрос о том, как называется речка, оборачивается для доктора Живаго обвинениями в разведывательных действиях и угрозой расправы. Диалоги сменяются монологами, герои начинают говорить и думать сами с собой или с воображаемым собеседником.

В этом, как мы думаем, состоит мировоззрение и самого Б. Пастернака. Возможно, именно вследствие такой вынужденной прагматики в романе практически отсутствует эксплицитная авторская личность. Основная концептуально-прагматическая нагрузка перенесена на главного героя романа, лишённого сторонней авторской созерцательности и исследовательского интереса. Языковая личность героя сливается с личностью автора в антропоцентрическом принципе отражения картины мира.

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 1998.
2. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
3. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле текста и слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000.
4. Галкина-Федорук Г. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову: сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1958.
5. Клюев Е. В. Риторика. М.: Приор, 1999.
6. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Баку: МААРИФ, 1990.

FINAL DICTEMES EXPLICATED IN DIRECT SPEECH BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO" BY B. L. PASTERNAK

Anzhela Feizedinovna Ashimova, Ph. D. in Philology
*Department of Russian Language and Literature
Social-Pedagogical Institute
ashimova.angela@mail.ru*

The author reveals the minimal parts of artistic semantic field (dictemes) explicated by direct speech in the novel of B. L. Pasternak "Doctor Zhivago", and shows that the explicit authorial "I" is almost completely absent in the work, and its hero Doctor Zhivago speaks for the author, so the hero's entire way is traced with the greatest degree of emotional-emotive attention.

Key words and phrases: final dictemes; pragmatics; explicit authorial personality; direct speech; syntactic unit.

УДК 82

Филологические науки

В статье на материале повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» рассматривается историческая интерпретация сюжета. Выявляются сходные и различные элементы двух произведений: «Саламандры» и «Арапа Петра Великого» А. С. Пушкина. Делается вывод о том, какое влияние оказали петровские реформы на становление личности героев. Прослеживаются преемственность традиций Пушкина и новаторство Одоевского в оценке петровской эпохи и ее последствий.

Ключевые слова и фразы: интерпретация; петровская эпоха (Петр I); просвещение; Петербург; деталь.

Замира Эседовна Бабаева

Кафедра литературы

Астраханский государственный университет

scorpio_1989@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «САЛАМАНДРА»[©]

Во второй половине 30-х годов В. Ф. Одоевским были написаны повести, причисленные к ряду «мистических». Одним из таких произведений является «Саламандра» (1841), которая состояла из двух частей,

составлявших самостоятельные произведения «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» и «Саламандра» (переименована в «Эльсу»). «Такая композиция, - как пишет В. С. Киселев, - строилась на приеме контрастного параллелизма, подчеркнутого смысловым и жанровым со- и противопоставлением эпизодов. У Одоевского на этой основе возникает интегрированное повествование, связанное, как у Пушкина («Выстрел»), общностью героев, которые предстают перед нами в кульминационные моменты своей жизни, и единой, как у Гоголя («Невский проспект», «Портрет»), фантастической перспективой» [1, с. 50]. Формы же фантастики в двух частях существенно отличались: в первой истории это была фантастика мифологическая, производная «наивного» народного мировосприятия, а во второй - психологическая, мотивированная расщепленным сознанием Якко. В итоге вся повесть в целом превращалась в модель возникновения, утверждения и кризиса современной личности, за которой стояла судьба новоевропейской «фаустовской» культуры» [Там же].

В повести наиболее ярко представлены две темы: тема двоемирия и вытекающая из нее тема общения человека с «элементарными духами». С одной стороны, это мир реальный, в котором живет государь - Петр I, образованный Якко, семья Зверевых. С другой, Эльса, ее вторая ипостась - саламандра, да и вообще все жители острова Иматра как носители естественного, природного начала. Но можно рассмотреть и другое противопоставление. Не менее интересна антитеза городской, петербургской жизни с ее реформами (петровским просвещением), развитием промышленности, механизацией государства и людей с их подчиненным образцовому порядку бытом гармоничному миру людей, сохраняющим верность родным обычаям и преданиям, живущим на земле своих предков, земле, хранящей в себе большое количество загадочных, мистических легенд и тайн. В этой связи произведение приобретает историческую и философско-фантастическую направленность. Как пишет В. Я. Сахаров, «в повести видно стремление писателя соединить историю, философию и художественную прозу» [5]. «Саламандра» соединяет в себе историческую прозу, представленную фигурой Петра, эпохой его правления, и философско-фантастическую повесть «Эльса», которая формально выделена в произведении отдельной главой.

Представляется интересной возможность двойного истолкования сюжета произведения: с точки зрения исторической и философско-фантастической.

В данной статье мы остановимся на одной из интерпретаций, а именно - исторической.

Прочитав повесть Одоевского, проницательный читатель заметит явную переключку с А. С. Пушкиным, с его незавершенным «Арапом Петра Великого», «Медным всадником» и «Полтавой». Общим звеном, связующим все эти произведения, является не только центральная фигура Петра, непосредственно сама картина эпохи, взгляды на личность и историческое дело государя, но также и сходство деталей и событий в сюжете.

Многие исследователи, в особенности В. Я. Сахаров и П. Н. Сакулин, отмечают детальное сходство событий «Арапа Петра Великого» и «Саламандры». Исторический роман Пушкин написал в 1837 году и опубликовал в «Современнике». К 1838 году относится замысел романтической дилогии Одоевского, «в которой творчески переосмыслен пушкинский исторический роман о петровской эпохе» [4]. Несомненно, что пушкинская публикация оказала значительное влияние на формирование собственной концепции Одоевского.

Выявим и рассмотрим подробнее сходные эпизоды в обоих произведениях.

1. В произведении Пушкина «в числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному», находился арап Ибрагим, а у Одоевского - это финн Якко. Оба героя стремительно обучаются наукам и делают успехи. И Якко, и Ибрагим становятся одним из «орудий русского просвещения»: Ибрагим «увидел, что новый образ жизни, ожидающий его, деятельность и постоянные занятия могут оживить его душу, утомленную страстями, праздностью и тайным унынием. Мысль быть *сподвижником великого человека*¹ и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия» [3, с. 12]. Якко «видел в себе будущего начальника адмиралтейской типографии, воеводу, *близкого к государю человека...*» [2].

2. Взгляд на страну и роль человека в жизни государства также объединяет оба произведения. Здесь прослеживается мотив механистичности, автоматизма, который охватывает всю страну и отдельно взятых ее жителей. «Россия представлялась Ибрагиму *огромной мастеровою*, где движутся одни *машины*, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом» [3, с. 13]. Схожее представление о стране возникает и у Якко: «Россия походила на *огромную машину*, которой необъятная сила не знала границ; не доставало лишь маятника, который бы этой силе дал равномерное движение» [2].

3. Ибрагим жил и обучался важным наукам в Париже, а Якко - в Голландии.

4. Оба героя настолько свыклись с жизнью в Петербурге, что решают связать свои судьбы с великосветскими дамами для того, чтобы быстрее войти в круг придворных государя и освоиться с праздностями столицы. Ибрагим так размышляет об этом: «Свадьба с молодою Ржевскою присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве» [3, с. 26]. Якко по тому же принципу выбирает Марью Егоровну, так как она «не осрамила бы его в царской ассамблее...». Его будущая невеста представлялась ему «во всем великолепии, в богатом робронте, при дворе, окруженная иностранными гостями, которые не могут надивиться ее ловкому и учтивому обращению» [2].

5. Изображение столицы России в обоих произведениях сходится даже в деталях. «Якко был привезен в Петербург, в *новую столицу* преобразователя России, только что *возникшую из болот* финских [Там же]. Перед ним возникает город «какого-то странного вида: на стенах блещут медные пушки и ходят часовые с

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой - З. Б.

ружьями; огромные люди несутся по широкой реке... Якко увидел дома, еще огромное прежних, широкую реку...» [Там же]. По приезду в Петербург, Ибрагим «с любопытством смотрел на *новорожденную столицу*, которая *подымалась из болота* по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами» [3, с. 11].

Все вышеуказанные детали демонстрируют сходство обоих произведений, но есть между ними весомое различие, заключающееся в оценке деятельности Петра, его реформ и влияния на общество. У Пушкина государь представлен как идеальный и мудрый преобразователь, все его дела воспеваются. В то же самое время Петр сохраняет простоту и человечность в обращении со своими подопечными: он заботится об Ибрагиме, переживает за своего крестника, устраивает его будущую личную жизнь. Ему чуждо мотовство и щегольство нарядов, это человек с «высокой душой». Одоевский же продолжает мысли Пушкина и отмечает не только гармонию, но и дисгармонию русской жизни времен государя. В весьма интересной иносказательной манере Петр предстает перед читателем в образе могучего волшебника и героя из финской легенды. Там он назван царем вейнелесов, который «вышел прямо из моря; одною рукою он приподнял скалы, а другою повел вокруг себя и сказал: все мое, что ни вижу» [2]. Даже морская стихия повинуетя царю и плывет ему под ноги, «и все он поднимается выше и выше, и на громаду скал взбегают суомийцы, и царь вейнелесов прикрывает их своей огромною рукою... На берегу моря скалы разрываются с треском, а из них выходит огромный блестящий город... и над городом опять царь вейнелесов в золотом венце; его носят облака небесные, с венца его на Суомию падают златистые искры и светят, как тысяча солнц» [Там же].

В «Саламандре», как пишет В. Я. Сахаров, «Одоевский не только высказал свой взгляд на личность и историческое дело Петра Великого, но и заговорил о характере и путях развития русского просвещения, о судьбах русской науки» [4]. И оказалось, что кажущиеся на первый взгляд положительными преобразования государя весьма неблагоприятно влияли на формирование личности его сподвижников. Якко из бедного, простого, наивного финна превращается в тщеславного, эгоистичного ученого, жаждущего почета и славы. Вторая часть повести, в которой герой превращается в обезумевшего алхимика, главной страстью которого становится золото, является отражением пороков и пробелов государственного строя, карикатурой на просвещенных и образованных ученых, которые в погоне за неглубокими знаниями и незначительной пользой потеряли данную от природы человечность, наивность, естественную простоту. Бездушными машинами делают финна петровские реформы. Мечтая о царских милостях и званиях, он «неволью сравнивал свое состояние с прекрасною машиною, в которой было только одно колесо неудачно сделанное, но которое нарушало порядок действия всех других колес» [2]. Этим неудачным колесом была Эльса, та самая Эльса, ради которой финн вернулся на родину, дабы найти ее и увезти с собою, Эльса, о которой днями и ночами думал Якко, находясь на чужбине, мечтая увидеть ту, с кем провел все свое детство и которая так много значила в его прошлой жизни. Именно прошлой, так как герой не собирается разделять с ней прелести будущей жизни. Эльса, или Лизавета Ивановна, как ее прозвали в семье Зверевых, упорно противится причудам петербургской жизни, сохраняя верность родной земле, родным обычаям и преданиям. Со временем Якко понимает, что совершил ошибку, ведь Эльса никогда не станет дамой света и никогда не разделит его новых стремлений. «Ему страшно казалось соединить навек свою судьбу с женщиною почти полудикою, которой язык не будет никому понятен, которая понимает в жизни лишь первые ее потребности; он воображал себе все огорчения, которым она будет подвергаться в обществе, для нее недоступном, все насмешки, которые будут преследовать ее безыскусственное простосердечие и совершенное незнание самых обыкновенных предметов» [Там же].

Со смертью Петра его высокие цели забыты, люди, потеряв своего наставника, потеряли и свои жизненные ориентиры. Каждый стремится удовлетворить собственные потребности и желания, а не блюсти интересы государства. Единый цельный механизм под названием государство рассыпается на мелкие болтики, каждый выбирает свой путь - путь поиска маленькой пользы для себя под девизом «все дозволено». Таков и Якко. После смерти Петра типограф становится одержимым псевдоученым, безумцем, желающим найти философский камень и овладеть миром и людьми. Его не останавливают ни смерти окружающих, которые ему мешают, ни собственное внутреннее разрушение. «Совершенствование государственного механизма и развитие промышленности не совпали с процессом гармонизации личности... И во второй части “Саламандры” показано постепенное снижение великих ценностей, профанация высокой науки и духовных идеалов петровской эпохи» [4], - подмечает В. Я. Сахаров.

Таким образом, в повести Одоевского пушкинские идеи и образы переосмысливаются, получают иное, более глубокое направление. Писатель изображает три эпохи русской жизни - петровскую, послепетровскую и современную автору действительность 30-х годов XIX века. В преобразованиях государя Одоевский видит не только позитивное начало, но и негативные последствия цивилизации. С одной стороны, Петербург - это город, возникший в результате борьбы с природными условиями (наводнением). В произведении он представлен как европеизированный, просвещенный, технически развитый город. Но, с другой стороны, столица оказывается губительной для живущих в ней людей. Она играет человеческими судьбами, их чувствами и желаниями. Город, возникший на болоте, сам становится рутиной для амбициозных молодых людей. Финн Якко становится закономерным «продуктом» своей эпохи, разрушительное действие которой явно проследивается во второй части диалогии.

Список литературы

1. **Киселев В. С.** Телеология «Сочинений князя В. Ф. Одоевского» (1844): принципы составления, композиция, жанровое целое // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2 (3). С. 45-62.
2. **Одоевский В. Ф.** Саламандра [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/odoevskij_w_f/text_0510.shtml
3. **Пушкин А. С.** Сочинения: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. Проза. 527 с.
4. **Сахаров В. Я.** Еще о Пушкине и В. Ф. Одоевском [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im9/im9-224-.htm>
5. **Сахаров В. Я.** О жизни и творениях В. Ф. Одоевского [Электронный ресурс]. URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/odoevskiy_vf/v_ya_saharov_o_jizni_i_tvorenyah_v_f_odoevskogo.10817/

HISTORICAL INTERPRETATION OF PLOT IN NARRATIVE "SALAMANDER" BY V. F. ODOEVSKII

Zamira Esedovna Babaeva

*Department of Literature
Astrakhan' State University
scorpio_1989@mail.ru*

The author considers the historical interpretation of plot by the material of V. F. Odoevskii's narrative "Salamander", reveals similar and different elements of two works: "Salamander" and "The Blackamoor of Peter the Great" by A. S. Pushkin, comes to the conclusion about Peter's reforms influence on the characters' personality formation, and determines the continuity of Pushkin's traditions and Odoevskii's innovation in the estimation of Peter's era and its consequences.

Key words and phrases: interpretation; Peter's era (Peter I); enlightenment; Petersburg; detail.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается логико-синтаксический аспект дефиниционных отношений. В первую очередь обсуждается логическая суть построения текстовых дефиниций, которая базируется на отношениях тождества, включения и дистинкции. Кроме того, характеризуется семантико-синтаксическая структура дефиниционных высказываний.

Ключевые слова и фразы: дефиниция; дефиниционные отношения; отношения тождества; отношения включения; дистинкция; дефиниционный предикат; родовое понятие.

Елена Ивановна Безрукова, к. филол. н.

Кафедра немецкого языка

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
besrukova@bsu.edu.ru*

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕФИНИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]

В наших рассуждениях мы исходим из положения о том, что дефиниция, являясь логической категорией, искусственным семиотическим процессом, функционирует как таковая в естественно-языковой форме в тексте во всех своих строгих и нестрогих разновидностях, а также различных лексико-синтаксических модификациях. Некоторые лингвисты (О. С. Ахманова, С. А. Тер-Мкртчян) исключают дефиницию из сферы естественно-языкового функционирования, относя её преимущественно к области семиотики. Однако отмечается, что несмотря на то, что строгое научное определение является искусственным семиотическим процессом, тем не менее, исследуя его, учёный «остаётся в пределах языкознания» [13, с. 22].

Н. Д. Арутюнова пишет о том, что «интерпретативные отношения не соотносятся с особым типом предложений. Они поэтому не входят в число логико-семантических "начал"» [1, с. 19], хотя она не исключает предложения дефиниционного типа из своего анализа. «Инверсия отношений именования, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату), создаёт отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов... Такие предложения используются тогда, когда адресату неизвестен первый элемент равенства... Они могут быть определены как экспликативные» [Там же].

В самом общем виде дефиниционные отношения представлены следующей схемой: $Dfd+Dfn$, в которой «Dfd» - это дефиниендум, или определяемое, «+» - связка, «Dfn» - дефиниенс, или определяющее. В классической логической дефиниции дефиниендум представляет собой видовое понятие, а дефиниенс - (ближайшее)